

Рудольф Штайнер

К вопросу о гипнотизме

Zur Hypnotismusfrage

*Статья в журнале
«Literarischer Merkur» № 14
от 8 апреля 1893 года*

Из GA 30

«Методические основы антропософии. Собрание статей по философии, естествознанию, эстетике и психологии»

*Перевод Виктора Гончарова
Вена 2023*

bdn-steiner.ru

К вопросу о гипнотизме

Явления гипнотизма и внушения, вызывающие в наше время живой интерес для исследования, носят такой характер, что заниматься ими испытывают необходимость представители самых различных духовных областей. Врачу кажется, что с гипнозом он получает средство, позволяющее ему различать функциональные и органические заболевания, и в то же время он получает возможность излечения последних посредством суггестивного вмешательства. Ученый-правовед, в вопросах, где в рассмотрение входит свобода воли и личная ответственность, не может не учитывать влияние, которое оказывают на человека самовнушение и внушение других. Юридическая практика всегда должна иметь в виду, что из-за суггестивного влияния показания обвиняемых и свидетелей могут принимать форму, более или менее отклоняющуюся от истины. В области истории религии и культуры многое лучше объясняется с привлечением гипнотизма, нежели без него. То, что отсюда падает также проясняющий свет на явления художественного воображения, мне кажется несомненным. И этим я непринужденно перехожу к той науке, которая интересуется вопросом о гипнозе больше, чем какой-либо другой областью, - к психологии. Я должен согласиться с Гансом Шмидкунцем¹, когда он ищет здесь важное дополнение к нашей существующей до сих пор психологии. И можно в высшей степени сожалеть о том, что такой исследователь, как В. Вундт (W. Wundt), виновен в самых невероятных искажениях отдельных утверждений Шмидкунца при оценке его книги. Своими экспериментальными исследованиями в области психологии Вундт добился больших заслуг и заслужил высокую репутацию среди философов и философски образованных современников. Мы не хотим ни оспаривать первое, ни восставать против второго, если причислим его недавно опубликованную работу «Гипнотизм и суггестия» к числу работ, создающих больше путаницы, чем просветления в области психологии. Односторонний, в определённом смысле чисто механический способ того, как Вундт рассматривает душевную жизнь, позволяет ему полностью недооценивать значение, например, предположения о существовании двойного сознания (верхнего и нижнего сознания) для прояснения спорных фактов. Он находит в ней «яркий пример того рода кажущихся психологических объяснений, которые состоят в том, что для объясняемых вещей вводятся новые названия». Вундт упускает из виду, что такие теории, даже если они и не призваны сказать последнее слово о фактах, тем не менее в действительности понятийно чётко разделяют постоянно перетекающие друг в друга реальные моменты, что является первым шагом к действительному объяснению. Собственные взгляды Вундта кажутся мне совершенно недостаточными. Он хочет все входящие в рассмотрение факты вывести из нормального, лишь градуально отклоняющегося функционирования обычного механизма представлений. Как, благодаря этому, можно объяснить то поведение по отношению к внешнему миру, которое мы наблюдаем при гипнозе, мне не понятно. Это кажется мне понятным только тогда, когда во время гипноза происходит такая модификация наших сознательных функций, что мы вступаем в такое взаимодействие с нашим окружением, которое стоит на шаг ближе к чисто физическим отношениям, чем к нашей обычной психической жизни. Это взаимодействие перекрывается нашей более высокой духовной жизнью, как слабый свет перекрывается более сильным; но оно проявляется, когда нормальное сознание затемняется. В последнем случае мы опускаемся в мировых действиях на ступень ниже; мы оказываемся в тесном контакте с чисто физической природой. Процессы этой физической природы тогда воздействуют на нас без того, чтобы проходить через наше более высокое сознание. Не обратив дело в универсальную натурфилософию, мы дальше не продвинемся.

Я хотел бы обобщить свой взгляд на работу Вундта следующим образом. Когда я рассматриваю понятие, которое эта психология имеет о сознании, оно кажется совершенно не соответствующим тому, что получается в результате исчерпывающего углубления в человеческую душевную жизнь. Если бы понятие сознания Вундта было верно, то человек был бы в гипнозе всегда, и наши состояния сознания внушались бы нам протекаемым

¹Dr. Hans Schmidkunz «Der Hypnotismus in gemeinfaßlicher Darstellung. Mit einer somnambulen Krankengeschichte» («Общее описание гипноза. С сомнамбулической историей болезни»).

механически механизмом представлений. Именно потому, что вундтовская психология не поднимается выше того уровня сознания, которое более или менее получает своё содержание через внушение, она не видит также глубокой разницы между внушаемой массой идей и массой идей, воспринимаемых бодрствующим сознанием.

В физиологическом отношении я нахожу наиболее приемлемым то объяснение, что подкорковые центры мозга служат для опосредования тех функций, которые имеют место в состоянии гипноза, за исключением коры головного мозга, которая активна только в бодрствующем сознании.

В дополнение к работам Вундта, однако, у меня есть ряд других на ту же тему. Тем, кто ищет доступный для понимания путеводитель по всей области этих явлений, я рекомендую Ганса Шмидкунца: "Гипнотизм". Проявления, применение, трактовки и опасности гипнотизма представлены тут наглядно опытной рукой. Вставленная сомнамбулическая история болезни и замечательная глава по истории гипноза повышают ценность этой превосходной книги во всех отношениях. Кто желает познакомиться с типичным случаем гипноза (с четырьмя модификациями сознания) и взглядами на этот предмет видного клинициста, тот должен обратиться к книге Крафта-Эбинга². В «Die Zeitfragen des christlichen Volkslebens» («Вопросы времени христианской народной жизни») появился трактат К. Циглера³, стоящего на точке зрения так называемого «великого гипнотизма» парижской школы. Последняя (во главе с Charcot) усматривает в вопросе рассматриваемых явлений лишь частные случаи истерии. Взгляд автора этим несколько затуманен, но, как мне кажется, этот текст достоин прочтения из-за хорошего подбора явлений. То же самое я могу сказать и о брошюре Доктора Карла Фридриха Йордана⁴. Что тут сбивает с толку, так это то, что автор является приверженцем теории «Lebens-Agens» профессора Густава Йегера (Gustav Jäger). Согласно Йордану, количество этого Agens (агента), превышающее обычный уровень, поступает от гипнотизера к гипнотизируемому и вызывает у последнего вхождение в сомнамбулическое состояние. Если отбросить эту точку зрения, которая не находит поддержки в наблюдениях, то эта книга также дает хороший обзор того, что входит в рассмотрение для гипнотизма.

Запутанным и неясным кажется мне исследование гипнотизма Отто фон Берлина⁵. Однако, при всём этом его надо воспринимать серьезнее, нежели новейшую публикацию Доктора Ф. Вольный⁶. Тут мы имеем дело с очень странным господином. Вольный вынюхивает информацию о тайных обществах, которые с помощью особого, специально оборудованного аппарата, обладают способностью оказывать магнетическое влияние как на отдельного человека, так и на целые массы людей и побуждать их к разного рода действиям. То же самое автор уже говорил в ряде своих работ, даже подал петицию властям рейха о расследовании предполагаемого безобразия. Я думаю, что Вольный страдает частичным безумием, которое мы имеем возможность наблюдать уже часто. Поэтому его сочинения представляют лишь патологический интерес.

В связи с этими замечаниями я хотел бы сказать несколько слов о вопросе, который в отношении опыта гипноза интересует прежде всего философского мыслителя. Я имею в виду отношение внушения к убеждению, полученному логическим путём. Не может быть сомнения в том, что, несмотря на всю качественную разницу между гипнотическим и нормальным сознанием, в последнем всё же также большую роль играют само- и чуждое внушение, и большая часть того, во что мы верим и считаем истинным, закреплено в нас

²Eine experimentelle Studie auf dem Gebiete des Hypnotismus nebst Bemerkungen über Suggestion und Suggestionstherapie. Von Dr. R. v. Krafft- Ebing. 3. Aufl. Stuttgart 1893 (108 S.) («Одно экспериментальное исследование в области гипноза наряду замечаниями о суггестии и суггестивной терапии». 3-е издание Штуттгарт 1893 (стр. 108).

³«Der Hypnotismus» («Гипнотизм»). Von C. Ziegler, Stuttgart 1892 (63 S.).

⁴Das Rätsel des Hypnotismus und seine Lösung. («Загадка гипнотизма и её разгадка») Von Dr. Karl Friedr. Jordan. 2. Aufl. Berlin 1892

⁵«Kaleidoskopische Studie über Hypnotismus und Suggestion» («Калейдоскопическое исследование гипнотизма и суггестии»). Von Otto von Berlin. Freiburg 1892

⁶«In Sachen der Hypnose und Suggestion. Ein Vademecum für Herrn Prof. Wundt» (К вопросам гипноза и суггестии. Путеводитель для профессора Вундта). Von Dr. F. Wollny. Leipzig 1893

суггестивным образом. Но комплексу представлений, возникших посредством внушения, никак не позволено претендовать на ценность убеждения. Тем важнее содержать эти обозначенные области в строгом разделении друг от друга. Ведь, научное значение может иметь только то, что является логически приобретенным убеждением.

Как возникает суждение (Urteil)? Мы никогда не смогли бы логически связать представления, если бы реальное единство вселенной не представлялось нам разбитым на множество представлений. Причина последнего кроется в нашей духовной организации. Если бы мы были организованы иначе, мы могли бы охватывать весь космос (физический и духовный) одним взглядом. Не было бы никакого научного мышления. Последнее, как раз, и состоит в соединении разделённых элементов мира посредством сознательной деятельности. Благодаря развитию этой деятельности, мы всё ближе и ближе приближаемся к этому охвату мира одним взглядом. Если это объединение должно быть действительно логичным, то необходимы две вещи. Во-первых, мы должны точно понимать элементы явлений мира, согласно их содержанию, в их отдельном состоянии; во-вторых, исходя из этого содержания, мы должны найти способ объективным образом дополнить этими отдельными элементами единое мировое целое. Только тогда, когда данные нам элементы мира ведут себя в этом объединении абсолютно пассивно, и это осуществляется только посредством нашего «Я», результат можно назвать убеждением.

Но несомненно, что то же самое соединение представлений, которое происходит посредством нашего «Я», может происходить и независимо от него, просто благодаря силе притяжения самих этих представлений. Это происходит, когда «Я» каким-то образом отключено, введено в состояние бездеятельности. Ведь, человеческая психика сочетает в себе два момента: она воспринимает мир как множественность, как сумму отдельных вещей и на более высоком уровне вновь соединяет их, образуя единство, из которого они происходят. Поскольку они принадлежат такому единству, они будут стремиться к объединению и тогда, когда они присутствуют в сознании и «Я» не выступает перед ними в качестве регулирующего фактора. В таком случае мы имеем дело с внушением, суггестией, в самом широком смысле этого слова. Для монистического воззрения на мир последнее совершенно понятно. То, что коренится в единстве, стремится к объединению, если оно выступает где-то во множественности. Так как совокупность жизненных явлений человека всегда является результатом в его сознании действующих сил, то она может проявляться двояко. Если процесс представления регулируется «Я», то проявления личности могут быть производными только от его деятельности; если, с другой стороны, «Я» стёрто, то причину того, что происходит в личности и с личностью, нужно искать вне её. Любой комплекс представлений или любое действие такого рода надо рассматривать как суггестию. Между действующим под гипнозом и обычным школьным учёным, методы которого опираются не на соображения собственного «Я», а на соображения руководителя такой школы, разница состоит только в градусе. Только тот, кто видит мировые связи таким образом, что его суждение становится совершенно независимым от всякого внешнего влияния, поднимает содержание своих представлений над суммой внушений. Поэтому относительно очень многих людей мы можем сказать, как они будут действовать или думать в том или ином случае, потому что мы знаем внушения, под влиянием которых они находятся. Человек, живущий под влиянием внушения, включается в цепь низших природных процессов, где причины явления всегда нужно искать не в нём самом, а вне его. Только «Я-сознание» вырывает нас из этой цепи, разрывает связь с остальной природой, чтобы снова сомкнуть её в рамках сознания. Предоставление «Я» центрального места в области науки - это заслуга Иоганна Готлиба Фихте, которую невозможно переоценить. У этого мыслителя развитие человеческого разума сделало скачок вперёд, несравнимый ни с чем другим. Для современной немецкой философии характерно, что она и не подозревает об этом скачке. Человек, поднявшийся до понимания Фихте, должен испытать в себе изменение, как слепорождённый, который, благодаря операции, получает зрение. Обо всех заблуждениях, как спиритизма, так и физиологической психологии, может судить только тот, кто знает Фихте. Дю Прелю (Du Prel) никогда не пришло бы в голову ставить действие сомнамбулы выше действия, обусловленного «Я-сознанием», если бы он постиг последнее более глубоким видением. Тогда он знал бы, что всё, что не обусловлено

«Я», стоит на шаг ближе к физической природе, чем то, что им обусловлено. Когда спиритисты делают содержанием своего учения суггестии отчужденного от «Я» сознания, они насмеваются над наукой, поскольку последняя может состоять только из суждений «Я». Они ставят себя на один уровень с верующими в откровение, которые также делают внушённое извне содержание представлений содержанием своих взглядов. Это весьма характерно для тупости и малодушия мыслящего разума в наше время, что в каждый момент выступает тенденция обрести взгляд на мир с исключением мышления.